

Электрочайник вина

На самом деле, первой социальной сетью со стихами были «Стихи.ру». Пусть они позиционировались и позиционируются как сайт со свободной публикацией, в действительности нет — это «Полутона» стали отпочковавшимся от «Стихиры» таким сайтом — сперва со свободной публикацией не для всех, потом — более банально с несвободной не для всех. А «Стихи.ру» были не столько про литературу, сколько про общение и еще про мучительную мечту о подлинности и о литературе в качестве подлинности. Это, наверное, единственное место, где литература ощущалась как нечто подлинное в противовес некоему неподлинному, совсем уж эфемерному, тому, что делаем мы, там находящиеся и этой реальности из своей призрачности взыскующие. Это было не место, и никто нигде не находился — и все находились, находили себя и друг друга. Очень большая часть моего поэтического чтения сегодня — авторы, о которых я узнала там. Но теперь я их читаю в книгах, журналах и на фейсбуке.

Я воспринимаю тот опыт как очень значимый еще и потому, что регистрация на сайте «Стихи.ру» для меня стала началом освоения интернета — не литературного, а вообще. Это был, наверное, 2002 год, но я и компьютер незадолго до этого видела, можно сказать, считанные разы — это, пожалуй, литота — я уже успела поработать в издательском доме, где пять газет верстались на одном компьютере, вот его-то, родимого, я навидалась вполне каждый день, пока пихалась локтями с коллегами, выясняя, чья очередь сегодня укладываться в подвал и колонку — вот, а тут я из газеты ушла, поступила в аспирантуру, Дима на работе кушил подержанную «тройку» — не пентиум-тройку, а просто «тройку», хотя уже были и пентиумы — и я решила — именно решила — что теперь буду регулярно, а не как последние лет пять — по штуке в год — писать стихи и выкладывать их в интернете. Но хотя компьютер у нас был, интернета тем не менее в нем не появилось, и Дима зарегистрировал на «Стихах.ру» нас обоих с работы и оттуда же мне приносил распечатки написанных на меня рецензий (на самом деле это были короткие отзывы к отдельным стихотворениям) и стихов авторов, которые ему особенно понравились. Кажется, к некоторым из них я тоже придумывала рецензии, и на следующий день Дима их, записанные, набирал и от моего имени осчастливливал авторов. А уж в выходные мы ездили к нему на работу, и там я наконец отводила душу самолично.

На этом сайте я впервые вживую (или внеживую?) столкнулась и с таким явлением, как гетеронимы, там их называли «клонами» — когда кому-нибудь надоест его мировая слава и он заводит себе виртуала, чтоб начать восхождение с цокольного этажа. А потом раскроется, и все радуются. То же потом и было, и есть в других социальных сетях. Так, в ЖЖ в свое время появился поэт Виктор Троллейбусников, про которого я думала, что предки, должно быть, из детдомовцев, раз такая фамилия. Что это может быть не фамилия, мне и в голову не приходило, а меж тем это оказался Лев Оборин, и именно со стихов Виктора Троллейбусникова в его поэтике произошел коренной перелом, появилась новая, хулиганская нотка в нежном и внимательном лиризме. В фейсбуке же еще свежа история Галы Пушкаренко, которая существует одновременно и как автор нескольких книг, и как персонаж — книги Олега Шатыбелко

«Invalid acid: Недопустимая кислота. Стихи Галы Пушкаренко». Или вот Генрих Померанцев, про которого многие предполагают, что это Виктор Лисин, но и Генрих молчит, и Виктор молчит.

Возвращаясь к «Стихам.ру», скажу, что это место было настолько социальным, настолько ориентированным на знакомство, что с его далеких страниц интернет, причем довольно быстро, просочился и к нам домой. В числе прочих мы познакомились с автором из Нижнего Новгорода, очень хорошим, но я его сейчас по причинам, которые будут понятны ниже, не назову. И стали мы дружить, и так близко, что он прихватил с работы модем и установил его нам, да так, уволившись оттуда, нам и оставил. Мы тогда все были очень бедные и одной ногой советские, и никто не понимал, что тырить с работы неприлично. В какой-то из последующих социальных сетей было стихотворение Олега Пашенко об этом или не об этом:

Во школоте
я участвовал в травле
странного, слабого мальчика.
В девяностые, увольняясь,
я украл тридцатидвухмеговую
планку памяти.
Мой чизбургер ранен.
Сумасшедшего, нищего друга
я умирать оставил,
в результате он умер.
Я виноват. А оказывается,
невиноват. А виноват
Сам Бог Слово Господь
Иисус вместо меня Христос.
И, что называется, да,
это бесплатно.

Вот, я помнила, что это стихотворение было, но не помнила его даже настолько, чтобы нагуглить, и в авторстве не была уверена. И я написала Олегу и спросила обо всем этом в мессенджере фейсбука, и он прислал мне это стихотворение, но, поскольку в мессенджере в стихах всегда плывут строчки, мне все же пришлось искать его в яндексе. И оно нашлось в другой сети — «ВКонтакте», в проекте Льва Оборина «Алогритмы», и проект этот я помню еще в ЖЖ. Вот она, поэзия в интернете.

Когда я училась на втором курсе, мой преподаватель новой и новейшей истории, Кирилл Кобрин, первый встреченный мной настоящий писатель, настоящий небожитель с настоящими книжками, сказал мне, что литература — это общение, «вина выпить с поэтами» — сказал. И с каждым годом я все больше убеждалась, что так оно и есть, и даже на тех же «Стихам.ру» мы зарегистрировались, потому что жилось нам с Димой скучновато, не с кем было, кроме друг друга, поговорить о литературе, а читали мы одно и то же. И стихи я тогда в том числе для этого решила писать — чтоб найти тех, с кем поговорить — о литературе, разумеется.

Однако я понимаю, что заведенный сегодня разговор о поэзии в социальных сетях должен вестись не столько об общении, сколько о чтении, о ленте. Золотым временем и местом поэтического чтения, мне кажется, был ЖЖ.

Казалось бы, мне, если не вчерашней, то позавчерашней выпускнице (к моменту обзаведения ЖЖ я все еще училась в аспирантуре), которой все уши прожужжали постмодернизмом, лента ЖЖ должна была представляться гигантским гипертекстом, полным явных и неявных отсылок и переключек. Но ничего подобного не было, все стихи и лытдыбры воспринимались по отдельности. Гали-Дана Зингер вела рубрику «Рифмы жж» в своем журнале (<https://crivelli.livejournal.com/profile>), где отмечала эти совпадения, так что записанная жизнь, отнюдь не только стихи в ней, становилась поэзией — пространством совпадений (а мне кажется, поэзия — это всегда про магию случайности, совпадений). Потом эта рубрика стала «Рифмами фейсбука», и уже в фейсбуке я стала сама замечать много подобного, но, мне кажется, это уже подсовывал алгоритм, ловкость рук и никакой магии.

Очень интересно было следить за авторской эволюцией, за тем, как поэты меняются от текста к тексту, и в этом отношении самое сильное впечатление, конечно, производило внутреннее движение поэтики ровесников — как формируется особая мужественная сентиментальность Данила Файзова, как кристаллизуется причудливый, барочный и в то же время очень человеческий абсурд Павла Гольдина.

Но удивительно, что мы, вполне тогда молодые, даже не задумывались, что пространство блога может быть не просто местом разовых публикаций, а глобальным проектом, где текст выступает в новых, невиданных прежде рамках, или, может быть, вовсе без них. Мария Галина и Аркадий Штыпель писали о подобном проекте в ЖЖ, а затем в фейсбуке Владимира Богомякова, но очень интересным в этом плане был и ЖЖ поэта и прозаика Ефима Ярошевского, ушедшего в 2021 году. Удивительно, что человек сформировавшийся, с советским, точнее антисоветским, неомодернистским опытом увидел то, что мы не увидели, — как интернет-дневник оборачивается лентой Мебиуса, как текст создается не только собой, не только суммой слов, но и окружающим контекстом. Стихи и отрывки прозы Ефим Ярошевский публиковал с повторениями, с особого рода неупорядоченностью, все это перемежалось и новыми текстами и оформлялось отточиями, так что создавалось впечатление целостности и фрагментарности, и однозначно — не просто места публикации текстов, а единого проекта. Причем я так и не знаю, задумывал автор эту проектность или ее увидела я, но, когда я писала об этом и показала статью Ефиму, он был согласен¹. Перед Йом-Кипуром, и кажется, не один раз Ефим Ярошевский публиковал это стихотворение, отрывок из поэмы «Тринадцать»:

Недалеко от Бога стоит синагога...
 Внутри евреев немного.
 Коптит свеча. Горит могиндовид.
 Что день грядущий им готовит?
 ...Никто не знает, кроме Господа Бога.
 Плачет, молится синагога...
 <...>
 Зима стоит у порога,
 как девочка-недотрога.

1 См.: *Риц Е.* Один текст — два контекста. О стихах Ефима Ярошевского // <https://polutona.ru/?show=0107153106>.

Вот этот ЖЖ — <https://jimtonik.livejournal.com/profile>.

В фейсбуке Ефима Ярошевского этой проектности уже не было.

Вообще ЖЖ был очень удобен для организации разного рода проектов, в том числе и уже выходящих за рамки и текста, и виртуальности. Например, когда Евгений Прощин привлек нас с Димой (Дмитрием Зерновым) к организации нижегородского поэтического фестиваля «Стрелка», я просто пригласила всех поэтов из моего списка друзей, и отозвались очень многие (и некоторые впоследствии даже поженились, но это все не о том, здесь смайл). Список друзей в фейсбуке, как и фейсбук в принципе, крайне неудобен, и вряд ли я бы смогла повторить подобное сейчас.

Вообще я за ЖЖ держалась очень долго, была там, когда уже «все» перекочевали в фейсбук по так и не понятной мне моде. Сама я завела фейсбук только в 2013 году, потому что нашла работу, связанную с социальными сетями, и тут же поняла, что зря держалась за принципы — тут жизнь, тут движение, давно надо было, здесь тоже смайл. И теперь я вижу, все уже намьблились и из фейсбука, тоже не понимаю, почему, но теперь, если что, я побегу первая — за всеми.

С самого начала социальные сети давали иллюзию бессмертия — мне казалось, что мы и так ненастоящие, и так в интернете, а значит, никогда не умрем, тем более удаления в ЖЖ называли «самоубийствами». И я даже не понимала, что эта иллюзия у меня есть, и поняла, только когда умер Виктор Іванів, и вот она развеялась. Или, может быть, раньше, когда умер Рафаэль Левчин.